

УДК 821.111

## КРИСТОФ РАНСМАЙР «ЛЕТАЮЩАЯ ГОРА»: ПЕРЕЛЕТАЯ ЖИЗНЕННЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГРАНИЦЫ (ЧАСТЬ I)

© Г.А.Фролов

В статье исследуется новейший роман Кр.Рансмайра «Летающая гора» (еще не переведен на русский язык), примененный автором актуальный принцип повествования, определяемый здесь как неомодернизм, а также оригинальная поэтика романного текста, в котором соединяются «летающая проза» и «стих свободной ритмики». В статье обнаружен инновационный характер организации романного материала: синтез размышления, иронии и лирики; а на уровне поэтики текста – стих и проза, стихопроза (Versepos).

**Ключевые слова:** модернизм, постмодернизм, литературное перешагивание, метанарратив, неомодернизм.

«Летающая гора» (2006)<sup>1</sup> – роман, которым Кр.Рансмайр встретил *новый* литературный век [1]. Он достиг своей цели в том смысле, что рансмайровское произведение XXI века не похоже на его «прошлоековые» романы, в которых автор мощно вгрызался в живую реальность, а уж затем присоединял к ней фикциональные или литературные миры.

На суперобложке франкфуртского издания книги безымянный редактор представил роман как «историю двух братьев, которые пускаются в путешествие от юго-западного побережья Ирландии в Трансгималаи, в страну Кхам, в отроги Восточного Тибета» [1: 1]<sup>2</sup>, и тем самым как произведение с традиционной романной историей. Это высказывание страдает явным исследовательским недосмотром или недоговоренностью. На деле в этом хитроумном романе «история братьев» изложена отнюдь не традиционно. Весьма существенным, даже концептуальным здесь может быть примечание, что история воссоздана как воспоминание, в форме воспоминания одного из них, Патрика. Ich-рассказчик принципиально акцентирует этот факт, начиная с первых глав (I, II) и вплоть до завершающих повествование (XVI, XVII и XVIII). Все снова и снова звучит напоминание «лирического героя»

– «eginnere mich», и это в значительной степени, даже радикально, меняет исследовательский подход к произведению, когда встает вопрос не только о его жанровой природе, но и о «базовых постулатах» или принципах повествования.

Рассказчик берет материал не из живой (наличной, осязаемой, актуальной) реальности, а «из головы», из памяти, и в этом смысле сконструированный, оформленный субъективным сознанием Ich<sup>3</sup>. Характеристики, отнесенные к роману М.Пруста (см. примечание 3), без особой натяжки, вполне органично прикладываются и к рансмайровской «Летающей горе». Конечно, это «реальность субъективного плана» [7: 409], субъективное воспоминание о далеком и недавнем прошлом. Изображенные события пропущены через сознание и оформлены сознанием Ich-рассказчика, изложены с точки зрения Ich. И в

<sup>1</sup> В имеющихся переводах «Der fliegende Berg» на русский язык как «Летучая гора» [2, 3] определяющим оказался смысл: быстро, очень быстро летает. Думается, что Рансмайр руководствовался иным замыслом: гора, способная летать, что акцентирует момент движения, а не скорости, отсюда предлагаемый перевод «Летающая гора».

<sup>2</sup> Аналогично (фактически повторяя немецкую оценку) характеризуют «Летающую гору» и российские рецензенты, называя ее «романом-путешествием» [2] или «романом путешествий» [3: 128].

<sup>3</sup> Специфическая жанровая модель «романа-воспоминания» заставляет вспомнить другое произведение подобного рода, созданное еще в начале XX века – «эпопею души» М.Пруста «В поисках утраченного времени» (1922). В автохарактеристиках французского писателя [4: 15], в характеристиках его исследователей (в данном случае российских – Л.Г.Андреева [5], Б.Л.Сучкова [4:10], В.П.Трыкова [6:164] и др.) акцентируется момент «субъективного восприятия событий», «субъективный опыт», «погруженность во внутренние переживания», когда «осмысливается не объективный мир, а свои собственные представления о нем, о других людях»; отмечаются также «субъективный принцип повествования», опирающийся на работу его воображения, как «производство „Я“». Отсюда характеристики прустовского романа как «субъективной картины мира», «реальности особого рода», «жизни, рожденной воспоминанием». В этом смысле справедливо отнесение «В поисках утраченного времени» к гибридной промежуточной модели между модернизмом и реализмом.

рансмайровском романе на первом плане – не объективное осмысление событий прошлого, а субъективный их образ, истории противопоставления братьев, личности брата Лиама. Таким образом, можно говорить, что литературный материал «Летающей горы» представлен как отражение субъективного жизненного опыта, а эстетическая специфика соединяет ее с литературным опытом модернизма, сдвигает к границам модернистского искусства, позволяет рассмотреть «Летающую гору» как произведение, родственное модернистскому роману.

Движению именно к этим границам способствует и еще одна характерная особенность немецкого романа. Воспоминания о жизни, предшествующей путешествию братьев на Восток, самом путешествии и его последствиях Ich-рассказчик постоянно перемежает, прослаивает «начинкой» философско-мыслительного характера. Эти размышления также можно определить как субъективное представление об универсальных феноменах бытия, о тайнах и загадках земного человеческого существования.

В результате мы получили то, что можно было бы назвать романом метафизическим, виртуальным, в отдельных главах эзотерическим, если иметь в виду его отстраненность (барьером воспоминания) от непосредственной реальности, и в этом смысле – его материальную бесплотность, перенесенность и растворенность в абстрактно-мыслительных сферах<sup>4</sup>.

Какую же историю вспоминает Ich-рассказчик и в какие универсальные масштабы бытия, а также во множественные сферы и структуры человеческой жизни вписывает он ее?! Модель идейно-художественного мира, выстроенная в «Летающей горе», в самой широкой формулировке может быть определена известной философской категорией «единство и борьба противоположностей». В метафизическом романе ею охвачены все стихии бытия, то, что извечно и навсегда, все множественные феномены универсума; вся многополюсность, многополярность мира разведена по двум полюсам: Небо-Земля, Полет-Стоянка. Время: конец XX – нача-

ло XXI века. (Хотя различным образом: через вводные воспоминаемые и сочиненные истории, легенды, мифы, жизненные и литературные сюжеты – постоянны выходы к различным временным пластам и историческим эпохам).

Мировое пространство раздвинуто между двумя полюсами: Западным и Восточным. В универсально-континентально-географическом плане: Запад = Атлантика, море, морской простор, деревья, трава, синее небо, равнины; Восток = Гималаи, Тибет, неприступные вершины, дикие ледяные горы, вечные льды, снега, страшные пропасти, лютые морозы. Это соединяется с реально-жизненным существованием западного человека, европейца (раздоры, войны, раскол, враждебность, отчуждение, виртуальная жизнь – компьютер, интернет и т.п.), и восточного человека, азиата (слитность, община, соборность, солидарность, родственность, любовь, реальность жизни – труд, дом, семья).

Таким образом, весь Универсум, бытие людей и каждый человек в отдельности, по версии Ich-рассказчика, распяты между двумя полюсами; в самом общем плане их можно обозначить следующим образом:

Unten	Oben
Земля, почва, море, корни, равнина, трава, деревья	Небо, навверх, ввысь, горы вершины, дали

В эту универсальную конструкцию, являясь фактически ее смысловым центром, вписана судьба, история двух братьев Патрика и Лиама.

*Патрик* – сын земли, моря, низины, дома, очага.

*Лиам* – «фантастическая устремленность навверх», к небу, в иные миры, к вершинам, к звездам.

На страницах романа эта «основоструктура» («антиподство» братьев) развернута прежде всего в общеполитическом, в общечеловеческом плане. Противоположные миры, в которых существуют братья, – извечны; они простираются в древние эпохи, «донаши» эры одновременно охватывают те времена, которые нам еще предстоит пережить. Особенно много в воспоминаниях, размышлениях Патрика достается «миру Лиама», выбор которого, по мнению Ich, страдает чрезмерным, опасным радикализмом, крайним экстремизмом: «Никогда и нигде никакого компромисса. Всегда только подъем. И всегда, шаг за шагом, все выше и никогда назад или вниз. *Archloch!*» (посылает в адрес брата обидно-непе-

<sup>4</sup> Показательными в данном случае являются характеристики «Летающей горы» немецких рецензентов. Например, I. Mangold относит ее к «таинственным книгам», в которых «обнаруживается опыт, которого у нас еще нет», обнаруживает в ней такое выражение «Земного, которое то и дело опрокидывается в духовные сферы» («in Spiritualität umkippt») [8]. К этому еще следует добавить, что, кроме прямого смысла, высказывание «Южнонемецкой газеты» актуализирует мотив «перешагивания границ», вынесенный в название статьи.

чатное словцо!) [1: 32]<sup>5</sup>. Таких резких, обидных слов («идиот», «дуралей» и т.п.) находим на многих страницах книги; ее пятая глава названа «Master Kaltherz» = «Мистер Холодное Сердце». Устремленность Лиамы только вверх, только ввысь (по мысли рассказчика) есть высокое искание неизведанного, неизвестного, «белых пятен», которых еще очень много на земле, в мире и которые еще не открыты. Но, во-первых, это всего лишь проекции «яростной фантазии», «вереницы тайных и далеких мечтаний», во-вторых, (и это главное, что волнует Патрика), отделяет его от живой, реальной жизни. Выбор Лиамы ущербен в том смысле, что при этом все действительное, осязаемое, жизненное «обедняется», переводится, трансформируется в видимость, астральные сферы, надзвездные миры.

Патрик многократно в своих воспоминаниях возвращается к тем жизненным эпизодам, когда он представляет Лиаму, отделившегося от привычной, нормальной повседневности схемами, телевизором, картами, электронной почтой, мобильным телефоном и другими средствами электронной (а не живой!) связи с окружающим миром. Патрик настойчиво позиционирует себя как решительного антипода Лиамы, главным рабочим инструментом которого является компьютер, источником информации – интернет. Он вспоминает, как еще в их юношеские годы брат практически не выходил из дома, погрузившись в виртуальную реальность. Называя это «жизнью в ее символической форме», Ich-рассказчик вновь и вновь говорит об опасности виртуальных увлечений и миров Лиамы, заключающейся в человеческой узости, закрытости, отрезанности от нормальной жизни, от людей, от друзей, от родителей, от родных. Лиам выбрал линию бегства от жизни, он живет не на земле, а в мечтаемом, выдуманном мире.

Поэтому столь решительны гневные его эскапады, адресованные брату. С первых до последних страниц романа Патрик ведет напряженный, насыщенный резко отрицательными эмоциями диалог с братом. Вызовом, разрывом, неприятием выбранной братом линии поведения в жизни наполнены и его воспоминания – монологи: «Не хочу гор... хочу к морю, в море! не хочу все дальше и дальше, хочу назад к моей собственной жизни!» [1: 99]. Постоянно, решительно сопротивление Лиаме, который тащит его от дома, от родителей, от моря; вновь и вновь

бунтует против «ледяного недостижимого мира Лиамы, который никогда не был моим».

«Антиподство» братьев протянулось через всю жизнь. Зародившись на Западном Полюсе (детство, юность на юго-западном побережье Атлантики, родительский дом, отношения в семье, различные житейские обстоятельства, выходы в море, увлечения – все это в воспоминаниях Патрика представлено как различные факты и этапы раскола), особенно резкие формы оно получает, когда братья из Ирландии отправляются в путешествие в Трансгималаи, страну гор. Именно здесь «должно решиться: наш подъем вел к жизни, к счастью или к исчезновению, к нашей смерти» [1: 88]. Воспоминания рассказчика, сюжетно оформленные как события в горах Тибета, теперь «привязаны» к конкретно-жизненной ситуации. И здесь, на чужбине, печалится Ich, они остаются чужими друг другу: Лиам целиком захвачен стремлением во что бы то ни стало достигнуть величайшей горы Пхур-Ри. Патрик находит себя внизу, у ее подошвы, сродняется с живущими здесь людьми – кхмерами, их общиной, палаткой, встречает возлюбленную Ньему, обретает семейный очаг<sup>6-7</sup>.

Кажется, что этот факт (картина мира, человеческие судьбы, жестоко разделенные по двум полюсам) так или иначе беспокоит автора-рассказчика. В иных главах Ich все чаще задумывается; его посещают сомнения относительно продуктивности этой модели: «тяжел груз пропасти и разрыва между братьями...» В самом

<sup>6</sup> Многие размышления (весьма горестные) рассказчика о непреодолимой разнополюсности братьев («как братья, родные люди одного дома проживали рядом, но остались мы друг для друга скорее случайными спутниками, посторонними» [1: 284]) переплавляются в его сознании в глобальное обобщение извечного трагизма, расколотости, отчуждения всеобщей судьбы человечества и отдельного человеческого существования («Наша жизнь... продолжение того спектакля, в котором я и вообще каждый – лишь безмолвная фигура, статист, в лучшем случае зритель или комментатор» [1: 107]). Совершенно очевидно они указывают на модернистскую, экзистенциалистскую трактовку человеческой судьбы в хаотичном, разорванном мире.

<sup>7</sup> Мир, как известно, уравнивается наличием знаков + и –. Братья Патрик (+) и Лиам (–), таким образом, уравнивают состояние мира как глобальная данность и необходимость. Но будучи перенесенными в реально-человеческий план, они теряют свою равноценность. Лиам – человечески, нравственно есть знак (–) («Это недостаточно: просто дальше и дальше, снова все дальше и абсолютно все вверх и вверх...» [1: 281]). И, кстати, мотив «Летающей горы» соединяется прежде всего с «линией Лиамы», знаком (–).

<sup>5</sup> Отсылки к тексту немецкоязычного оригинала здесь и далее даются в собственном подстрочном переводе. – Г.Ф.

феномене «лиамства» рассказчик обнаруживает разное – положительное и отрицательное; «путь в горы» – это и общечеловеческий аспект как вечно вперед, ввысь, вдаль как искание смысла жизни, вечное стремление. Отсюда, известное «снятие» абсолютиности «антиподства», его понимание лишь как распределение акцентов, указание на то, что братьев сродняет: «Много было разделяющего нас, но одновременно мы были всегда близки» [1: 318]. В главе XVI («Предтеча, Последователь») Патрик называет себя «Хранителем своего брата», их судьба – это «неразрывная связка». А «вечно вверх» (Лиам), но и «снова назад» (Патрик) – это «высшая линия», высший закон жизни [1: 281].

Поэтому Патрик решил идти вместе с братом к вершинам Гималайских гор = как решимость преодолеть разрыв, достигнуть единства. Сближение, родство с братом – это движение к множественному образу мира. В сознании Ich усиливаются плюралистические мотивы: «Каждый должен оставаться собой, возвращаться к самому себе», но также необходимо единство, родственность, общее; «прежде всего, лишь на этой основе, *сообща* мы можем подняться выше и выше» [1: 318]<sup>8</sup>.

История путешествия братьев завершается финалом, который, оглядываясь на постмодернистский опыт Рансмайра, можно назвать свободным и открытым, множественным и многосмысленным. Он вынесен в первую главу «Летающей горы» (что было и в «Последнем мире», и в «Болезни Китахары»). Гималаи. Легендарная гора Пхур-Ри. Братья – у ее подножья. Как и вся их жизнь, они вновь – между двумя полюсами. Лиам устремлен к вершине, Патрик «заземлен» внизу. Лишь сама реальность, лишь только она, по мнению автора, может рассудить братьев, разрешить романную борьбу противоположностей.

Ich-рассказчик вспоминает и представляет нам в зримых художественных образах труднейший маршрут к вершине Пхур-Ри, завершившийся трагической катастрофой. Нас потрясает картина двух смертей. Первая смерть – Патрика (завершается его чудесным спасением и воскрешением; он спасен братом, Нъемой, про-

водниками, пастухами, людьми). Вторая смерть – Лиам, погиб, унесен в пропасть лавиной, сметен стихией. Финальная судьба братьев есть логическое императивное продолжение их *большого* жизненного выбора: Лиам (вверх, ввысь) унесен в небытие, не поддержан жизнью, разумной программой жизни. Патрик (внизу, земля) остался в живых. Воскрес из небытия, поддержан жизнью, людьми<sup>9</sup>.

Хронологически ситуация в первой главе представлена как «сегодня», как сегодняшней день. Но вместе с тем важно подчеркнуть, что одновременно она есть воспоминание Патрика о минувших событиях: «Прошло уже больше года, как он (Лиам) лежит погребенным во льду» [1: 19]. Поэтому нарисованная картина представлена как бы в двух мирах: фикциональный мир («Я умер», – это первая строка романа), и далее – между жизнью и смертью. Затем следует воскрешение Патрика, перетекание из нереального – в реальность мира; и одновременно – смерть Лиам, его перенесенность в «иной мир».

То, что мы назвали финалом, включает в себя и последнюю, восемнадцатую главу романа, названную «Эпилог». Она возвращает нас в Европу, в Ирландию: чудные образы и картины острова Хорс Исланд – море, природа, трава, дом = все то, что связано с детством, юностью, родительским домом... Вспоминающий рассказчик вновь (как в первой главе) акцентирует ситуацию «сегодня». Но, как и в первой главе, в «Эпилоге» она представлена как неоднозначная. Ich-рассказчик обретает себя (или пытается обрести себя) в двух пространствах, между которыми нет четкой границы: «Иногда у меня ощущение, – раскрывает рассказчик свою душу перед читателем, – что я должен пробудиться от некоего сна, чтобы наконец прибыть туда, где я действительно нахожусь... И также другое, как будто бы более верное: брат и я фактически достигли вершины Летающей горы, и мы где-то наверху, очень наверху стали жертвой искушения...». Но «постепенно, – продолжает уцелевший из братьев, – отлетают сомнения, я должен признать, что все было, как было... Дом, шум прибоя, я сплю спокойно дальше, облегченно... на Хорс Исланд все в порядке...» [1: 359]. И в «Эпилоге», в структурном и смысловом плане завершающем роман, вернувшийся домой из путешествия Ich-

<sup>8</sup> О множественном смысловом потенциале, заключенном в противостоянии Патрика и Лиам (родных братьев!) говорит Рансмайр в своем интервью «Маленькие воины бога». «Историю братьев» он трактует как архетипическую структуру, нашедшую себя в библейской легенде о Каине и Авеле, в судьбах многих других людей прошлого и современности: военачальников, политических деятелей, путешественников и др. [9].

<sup>9</sup> Множественную трактовку этого удивительного спасения одного брата другим находит у немецкого критика И.Мангольд: реалистическую (как торжество силы человеческой любви), библейско-мифическую (дева Мария с воскресшим Иисусом Христом), модернистскую (образ-конгломерат, странное метафизическое явление) [8].

рассказчик осознает себя и пытается обрести себя в двух пространствах. Одно – его сомнения, не было ли все случившееся с ним и братом лишь сном, видимостью, видением, где-то в нечетливых далях, наверху, там, где скрывается вершина сверхъестественной Летающей горы. Другое: Патрик верит, что все было именно так, как было. Его воспоминания – не сон, а реальность. Жизнь вошла в свою накатанную колею и представляет собою мирно успокоившееся после шторма море. Но, как это обычно бывает в романах, в малой прозе Кр.Рансмайра границы между ними стерты, текучи. В сознании Ich-рассказчика они постоянно перетекают, перекрещиваются, сплавляются.

Художественный мир «Летающей горы» – плюралистическое, пограничное литературное пространство. Нарисован образ множественного, многополярного мира, в котором судьба человечества, судьба отдельного человека осмыслены в их разнополюсной противоположности и родственности. Все устремлено к гармонии и согласию, в том числе и судьба братьев, но это представлено как мыслимая, чаемая, но в реальной жизни никогда не достижимая ценность.

«Летающую гору», если воспользоваться излюбленным термином У.Эко, можно было бы назвать «метанарративом» [10: 48]. В ее тексте заключен огромный объем идей, теорий, картин, образов, которые оформлены как философско-мыслительные или художественные пласты или потоки. Это дополняется большим числом различного рода интертекстуальных параллелей, перекличек, ассоциаций имплицитного и эксплицитного характера (Библия, восточные легенды и сказания, тибетско-кхмерский, немецко-австрийский, ирландский фольклор, рыцарский роман, немецкие лиро-эпические тексты эпохи барокко, современные англо- и немецкоязычные авторы, интернет и др.). Широкий интертекстуальный диалог, развернутый Рансмайром в «Летающей горе», принимающий то форму продуктивного «взятия» и включения, то критического, иронического переосмысления и трансформации, в значительной степени расширяет художественное пространство «перелетающего» романа (может стать специальным предметом исследования).

«Метанарративность» в «Летающей горе» организована и развернута прежде всего с помощью многофункциональной, аукциональной фигуры рассказчика. Постоянно меняя свою «дислокацию», свою позицию, углы и точки зрения, перевоплощаясь то в своего брата, то в самого себя времен своего детства и ранней юности, то в исторических персонажей периода гражданской

войны в Ирландии, покорителей вершин Эвереста или Джомолунгмы, демонстрируя родство с литературными персонажами Ауэ, Конрада или Грасса, он многомерно захватывает и расширяет романное пространство, и все это можно понять как его открытое стремление представить читателю объективную картину мира.

Как уже было отмечено выше, роман Рансмайра структурно представляет собою непрерывный и напряженный диалог между братьями: Патриком (рассказчик) и Лиамом. С его помощью, когда взвешенно и аналитически, принципиально и лично ответственно, продуктивно обсуждаются мировые проблемы, также реализует себя объективный жизненный и литературный опыт писателя (можно обозначить как реалистическую или постмодернистскую повествовательную традицию).

Вместе с тем (и с этого начиналось данное исследование) еще раз следует указать на тот факт, что «Летающая гора» – результат субъективного жизненного и литературного опыта. В романе-воспоминании картина мира, события, жизнь людей различных континентов, история братьев – все это представлено и отражено через призму личного восприятия «Ich-Erzähler». Тем самым можно говорить о включенности в повествовательную стратегию «Летающей горы» и модернистского принципа творческой деятельности.

Органичное соединение субъективного и объективного принципов повествования, реального и фикционального, смешение различных литературно-художественных рядов (стих, проза, Versepos) и стилей (мифопоэтика, барокко, фольклорная мелодика, игровые формы письма, интернет и электронные ресурсы) актуализирует роман Рансмайра как открытое произведение, адекватно отвечающее ожиданиям XXI века.

Пересечением и сплавом различных поэтических стихий рожден и сам образ Летающей горы. В нем соединились невозможность летающей горы как реального факта и ее возможность как проявления субъективно-лирического воображения.

Все это и позволяет определить здесь роман Кр.Рансмайра «Летающая гора» как метанарратив, произведение неомодернистской литературы.

Работа выполнена при финансовой поддержке научного фонда РГНФ (Проект №14-04-00248 «Между модернизмом и постмодернизмом: смена литературных эпох на Западе»).

\*\*\*\*\*

1. *Ransmayr Chr.* Der fliegende Berg. – Frankfurt-am-Main, Verlag S. Fischer, 2006. – 359 S.
2. *Летучая, потому что летает* (в эфире телеканала «Культура» 30.11.2006) // Pressmon.com: Корпус примеров употребления слов в прессе и литературе, 2015. URL: <http://www.pressmon.com/ru/a/ru/2003787/LETUChAYa-POTOMU-ChTO-LETAET> (дата обращения: 15.01.2015)
3. *Рансмайр Кр.* Летучая гора: фрагмент романа (вступление и перевод Александры Кряжимской) // Иностранная литература. – 2009. – № 3. – С. 128 – 144.
4. *Пруст М.* В поисках утраченного времени. – М.: Художественная литература, 1973. – 459 с.
5. *Андреев Л.Г.* Марсель Пруст. – М.: Высшая школа, 1968. – 96 с.
6. *Трыков В.П.* Пруст, Марсель // Зарубежные писатели. Библиографический словарь в 2-х частях. – Часть 2. – М.: Просвещение, 1997. – С. 161 – 167.
7. *Затонский Д.С.* Искусство романа. – М.: Художественная литература, 1973. – 534 с.
8. *Mangold I.* Höhenrausch im Flattersatz: Christoph Ransmayrs «Der fliegende Berg» // Süddeutsche Zeitung. – 2010. – 19 Mai. URL: <http://www.sueddeutsche.de/kultur/christoph-ransmayrs-der-fliegende-berg-hoehenrausch-im-flattersatz-1.894001> (дата обращения: 25.01.2015)
9. *Spiegel H.* Die Wirklichkeit kann doch nicht alles sein // Faz.net: Frankfurter Allgemeine, 2001-2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/autoren/christoph-ransmayr-zum-sechzigsten-12849567.html> (дата обращения: 25.01.2015)
10. *Эко У.* Откровения молодого романиста. – М.: АСТ, Corpus, 2013. – 320 с.

## CHRISTOPH RANSMAYR'S «DER FLIEGENDE BERG» («FLYING MOUNTAIN»): FLYING OVER LIFE AND LITERARY BORDERS (PART I)

G.A.Frolov

As the title implies, the article studies Christoph Ransmayr's latest novel "Der fliegende Berg" (which is still not translated into Russian (or English)). The principle of relevance in a narrative, applied by Ch. Ransmayr, is defined here as neomodernism. The aim of the article is to explore the original poetics of the novel, which combines "flying prose" and "free verse rhythm". The article reveals the innovative character of organizing the content of the novel – the synthesis of reflection, irony and lyrics - and with respect to poetics it is the blend of poetry and prose (Versepos).

**Key words:** modernism, postmodernism, literary "straddle", metanarrative, neomodernism.

\*\*\*\*\*

1. *Ransmayr Chr.* Der fliegende Berg. – Frankfurt-am-Main, Verlag S. Fischer, 2006. – 359 S. (in German)
2. *Letuchaya, potomu chto letaet* (v e'fire telekanala «Kul'tura» 30.11.2006) // Pressmon.com: Korpus primerov upotrebleniya slov v presse i literature, 2015. URL: <http://www.pressmon.com/ru/a/ru/2003787/LETUChAYa-POTOMU-ChTO-LETAET> (accessed: 15.01.2015) (in Russian)
3. *Ransmajr Kr.* Letuchaya gora: fragment romana (vstuplenie i perevod Aleksandry Kryazhimskoj) // Inostrannaya literatura. – 2009. – № 3. – S. 128 – 144. (in Russian)
4. *Prust M.* V poiskax utrachennogo vremeni. – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1973. – 459 s. (in Russian)
5. *Andreev L.G.* Marsel' Prust. – M.: Vysshaya shkola, 1968. – 96 s. (in Russian)
6. *Trykov V.P.* Prust, Marsel' // Zarubezhnye pisateli. Bibliograficheskij slovar' v 2-x chastyax. – Chast' 2. – M.: Prosveshhenie, 1997. – S. 161 – 167. (in Russian)
7. *Zatonskij D.S.* Iskustvo romana. – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1973. – 534 s. (in Russian)
8. *Mangold I.* Höhenrausch im Flattersatz: Christoph Ransmayrs «Der fliegende Berg» // Süddeutsche Zeitung. – 2010. – 19 Mai. URL: <http://www.sueddeutsche.de/kultur/christoph-ransmayrs-der-fliegende-berg-hoehenrausch-im-flattersatz-1.894001> (accessed: 25.01.2015) (in German)
9. *Spiegel H.* Die Wirklichkeit kann doch nicht alles sein // Faz.net: Frankfurter Allgemeine, 2001-2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/autoren/christoph-ransmayr-zum-sechzigsten-12849567.html> (accessed: 25.01.2015) (in German)
10. *E'ko U.* Otkroveniya molodogo romanista. – M.: AST, Corpus, 2013. – 320 s. (in Russian)

\*\*\*\*\*

**Фролов Георгий Аркадьевич** – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул.Кремлевская, 18.  
E-mail: Prof.Dr.Frolov@gmail.com

**Frolov Georgy Arkadyevich** – Doctor of Philology, Professor, Department of World Literature,  
Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University.

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia  
E-mail: Prof.Dr.Frolov@gmail.com

Поступила в редакцию 12.05.2015